

Л. Г. Яцкевич

ВОЛОГОДСКИЕ ТОПОНИМЫ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА

Поэтическая география Н. А. Клюева необычайно широка по охвату географического пространства и удивительно глубока по культурно-историческому и символическому содержанию¹. Поэт предостерегает будущих исследователей от поверхностного взгляда на его поэтическую географию: «Бедные критики, решающие, что моя география — «граммофон из города», почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова»². Это предостережение поэта следует учитывать и при рассмотрении вологодских топонимов Клюева, несмотря на кажущуюся очевидность их образного смысла, обусловленную их отношением к малой родине поэта.

Действительно, только в минимальном контексте вологодские топонимы имеют чисто географическое значение и этнографическую окраску («Разузорит *Вологда* коклюшки...»; «*Вологда* вся в кружевах...»; «морозный *Устюг*»; «перинный *Устюг*»; «*устюжский* закат»; «*устюжское* сканьё»; «...лента гнутая, / расшитая в *Горицах*», река *Андома*, где «...в кринках кукушка ку-ку да ку-ку, / Журавль-рукомойник курлы да курлы, / И по сту годов доможирят котлы...» и т. д.). В более широком контексте, в лирическом сюжете стихотворений и в лиро-эпических сюжетах поэм, вологодские топонимы приобретают широкие поэтические возможности и участвуют в создании образа Русского Севера, России, Святой Руси как национального идеала.

В силу этого представляется необходимым рассматривать вологодскую топонимию³ в составе поэтической системы топонимов Н. А. Клюева в целом.

1. Место вологодских топонимов в поэтической географии Н. А. Клюева

В творчестве Н. А. Клюева топонимы обладают особым геокультурным содержанием и образуют систему топохронов, которые

«раскрывают семиотику культурного пространства»⁴. Его поэтическая география построена на основе топохронов, которые связаны со следующими историко-культурными зонами (ИКЗ): 1. Поморье. Олонецкий край. Русский Север. 2. Древнерусская ИКЗ. 3. Старообрядческая ИКЗ. 4. Общерусская православная ИКЗ. 5. Славянская ИКЗ. 6. Скандинавская и финно-угорская ИКЗ. 7. Сибирь. 8. Великая Степь. Татаро-монгольская ИКЗ. 9. Кавказ. 10. Византийская ИКЗ. 11. Библейская ИКЗ. 12. Древние Греция и Рим. 13. Древний Египет. 14. Индо-Иранская ИКЗ. 15. Мусульманский Восток. 16. Индокитай. 17. Африка. 18. Западная Европа. 19. Америка. 20. Австралия⁵.

Вологодские топонимы участвуют в поэтическом описании основных историко-культурных зон. Далее они последовательно рассматриваются.

Общерусская православная историко-культурная зона представлена в творчестве Ключева наибольшим числом топонимов: 206 слов и 913 употреблений. Вологодские топонимы составляют в этой системе незначительную часть: 13 наименований и 23 употребления. Это следующие топонимы и производные от них слова: **Андома** (2), **белозерский** (1), **Бело-озеро** (1), **Вытегра** (2), **Вологда** (4), **Гориды** (3), **Кириллов** (1), **Мегра** (1), **Молога** (1), **Суда** (2), **Устюг** (2), **устюженский** (2), **Мариинская система** (1).

Как правило, названия вологодских городов включаются в состав поэтических парадигм, образующих в тексте цепочки названий древних русских городов: 1) **Устюг**, Москва, Звенигород, **Вологда**, Переяславль, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Кострома, Киев (12, 329); 2) **Вологда**, Вятка, Псков, Кострома (11, 220). А названия вологодских рек входят в состав поэтических парадигм топонимов Северной Руси: 1) Вятка, Сиговец, **Андома** (12, 315); 2) Олон, Секир-гора, Палеостров, Красная Ягрема, **Андома**, Нижняя Кудема (6, 237). Таким образом, вологодские топонимы в поэзии Н. А. Ключева не образуют собственной системы, а включаются в другие, более широкие, топонимические системы, связанные с различными историко-культурными зонами. Это обусловлено тем, что географические названия Ключев использует в символических функциях для выражения своих историко-философских взглядов, а не для создания пейзажей, отражающих природный и культурный ландшафты Вологодского края. Следует отметить, что лаконичные пейзажные образы тоже у него есть: «**Устюжский** закат осыпает шафран», «налимьей ухой текла **Молога** синяя», «Лист кленовый тучно-ал, / Кроет **Суду** и Урал» (10, 439). Однако эти образы всегда являются лишь частью масштабного описания русских просторов. См. пример выше, а также:

*В алых бусах из вишен,
Из антоновки рудой*

*Ходит кто-то запрудной, —
Над Байкалом и Судой
Шаг серебряный слышен...*

(10, 438)

На ментальной карте поэтической географии Клюева малоизвестная река Суда изображена крупным планом вместе с такими величественными объектами, как Урал, Байкал, и тем самым тоже увеличивается в своей значимости.

Русский Север, Поморье, Олонецкий край представлены значительным числом топонимов: 136 слов и 393 употребления. В произведениях Н. А. Клюева вологодские топонимы, наряду с другими топонимами, создают образы северных просторов России. Так, в прологе к «Песни о Великой Матери» топоним *Мегра* входит в поэтическую парадигму северных (олонецких) топонимов: *Онега, палеостровский, Карельский, Кижи, Вага, Водла, Мегра* (13, 4). Топоним *Андома* также включается в подобную систему в «Скрытом стихе», стилизованном в фольклорной традиции:

*Не осенний лист падьяма-падает,
Не березовый наземь валится,
Не костер в бору по моховищам
Стелет саваном дымы — пажегу, —
На Олон-реку, на Секир-гору
Соходилася нища братия. —
Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Ягремы,
Солодьяжники с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы,
Толоконники с Ершедами,
Бедны люди с Водохлебами,
Всяка сборища — Богомольщина.*

(6, 236—237)

Оба топонима (*Мегра, Андома*) обозначают реки Карелии. Во времена Клюева они не относились, как сейчас, к Вологодской области.

Родное Обонежье рисуется Клюевым как легендарная, сказочная страна:

*Пушистые, теплые тучи,
Над плесом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Пономарь.*

*Плывут вечерые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеся по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.*

Осенняя явь **Обонежья**,
 Как сказка, баюкает дух.
 (10, 287)

Древнерусская историко-культурная зона представлена системой топонимов и этнонимов, включающей в свой состав 35 лексем, которые употребляются в текстах 116 раз. Как древнерусские города, оплоты Святой Руси, изображаются **Вологда, Устюг, Бело-озеро, Кириллов**. Например, в стихотворении «Республика» (1918), Ключев пишет о наступлении эпохи научно-технической цивилизации, которая грозит уничтожением древнерусской культуры. Символически эта культура обозначена топонимом **Бело-озеро**:

Смертельны каменные обноски
 На **Беле-озере**, где Синеус...
 Облетают ладожские березки,
 Как в былом, когда пела Русь.

Когда Дон испивался шеломом,
 На базаре сурьмился медведь.
 Дятлом — стальным ремингтоном —
 Проклевана скифская медь.

(12, 184)

Упоминается Белозерский край и в «Песни о Великой Матери», когда Ключев говорит о сохранении древнерусской книжной традиции в старообрядческой среде поморов:

Двенадцать снов царя Мамера
 И Соломонова пещера,
 Аврора, книга Маргарит,
 Златая Чепь и Веры Щит,
Четвертый свиток белозерский,
 Иосиф Флавий — муж еврейский,
 Зерцало, Русский виноград
 <...>
 Я прочитал в пятнадцать лет
 Скитов и келий самоцвет.

(15, 755)

Старообрядческая историко-культурная зона представлена в творчестве Н. А. Ключева системой топонимов, включающей в свой состав 56 слов, которые употребляются 230 раз. В «четвертом свитке белозерском» (по другой редакции — «четвертом списке белозерском» — 13, 23), как указывает Ключев, содержалось старообрядческое произведение «Веры щит». Под этим названием существуют три разных сочинения. Во-первых, «Щит веры» — «Ответы древняго

благочестия любителей на вопросы придерживающихся новодогматствующего иерейства» — весьма известное и распространенное у беспоповцев обширное сочинение, содержащее ответы на 382 вопроса поповцев. Составлено в 1789—1791 годах. Автором традиционно считается Тимофей Андреев. Опубликовано со значительными сокращениями в журнале «Братское слово» за 1890 год⁶. Во-вторых, «Книга «Щит веры»» — старообрядческое сочинение начала XIX века, в котором нашли отражение наполеоновские войны и антихристом выведен Наполеон Бонапарт⁷. В-третьих, «Веры Щит» — ежемесячный журнал старообрядцев поморского согласия, выходивший с 12-го по 16-й год XX века⁸. Какое из этих сочинений имел в виду Клюев, можно установить только тогда, когда будет найден «четвертый свиток белозерский».

Славянская историко-культурная зона (кроме России) представлена небольшим числом топонимов: 22 слова и 35 употреблений. Однако и с этой топонимической системой вологодские топонимы соотносятся в поэзии Клюева. Так, упоминаемый выше топоним *Суда* употребляется в одном из стихотворений Клюева не только в соседстве с *Байкалом* и *Уралом*, но и с западнославянским топонимом *Лаба*, который употребляется у Клюева два раза и служит знаком славянских земель:

*Над Байкалом и Судой
Шаг серебряный слышен <...>
Лист кленовый, тучно-ал,
Кроет Суду и Урал. <...>
Дружным дедам, добрым бабам
От Алтая и до Лабы,
До пшеничных берегов
Короб песен и цветов...*

(10, 440)

В стихотворении, посвященном пролетарскому поэту Владимиру Кириллову, Клюев подчеркивает славянские православные истоки севернорусской культуры:

*Твое прозвище — русский город,
Азбучно-славянский святой <...>*

*Убегай же, Кириллов, в Кириллов,
К Кириллу — азбучному святому,
Подслушать малиновок переливы,
Припасть к неоплаканному родному.*

(10, 38)

В словаре Н. А. Клюева значительное место занимают топонимы и этнонимы, символизирующие *скандинавскую и финно-угорскую*

историко-культурные зоны (44 слова и 115 употреблений). Эта ИКЗ распространяется и на Вологодскую область, где находятся места древних поселений угро-финских народов. Соответствующие топонимы и этнонимы обычно употребляются поэтом в сочетании с ономастикой Русского Севера, как, например, в «Мирской Думе»:

*Не гуси в отлет собирались,
 Не лебеди на озере скликались,
 Подымались мужики-пудожане,
 С заонежской кряжистой Карелой,
 С каргопольской дикою лешнею,
 Со всею полесной хвойной силой,
 Постоять за крещеную землю,
 За зеленую мать-пустыню,
 За березыньку с вещей кукушкой...
 <...>
 Впрошали Лазаря лешане,
 Каргополы, чудь и пудожане...
 <...>*

(10, 259)

В других случаях скандинавские и финно-угорские топонимы и этнонимы, в сочетании с другими топонимами, служат пограничными знаками просторов России:

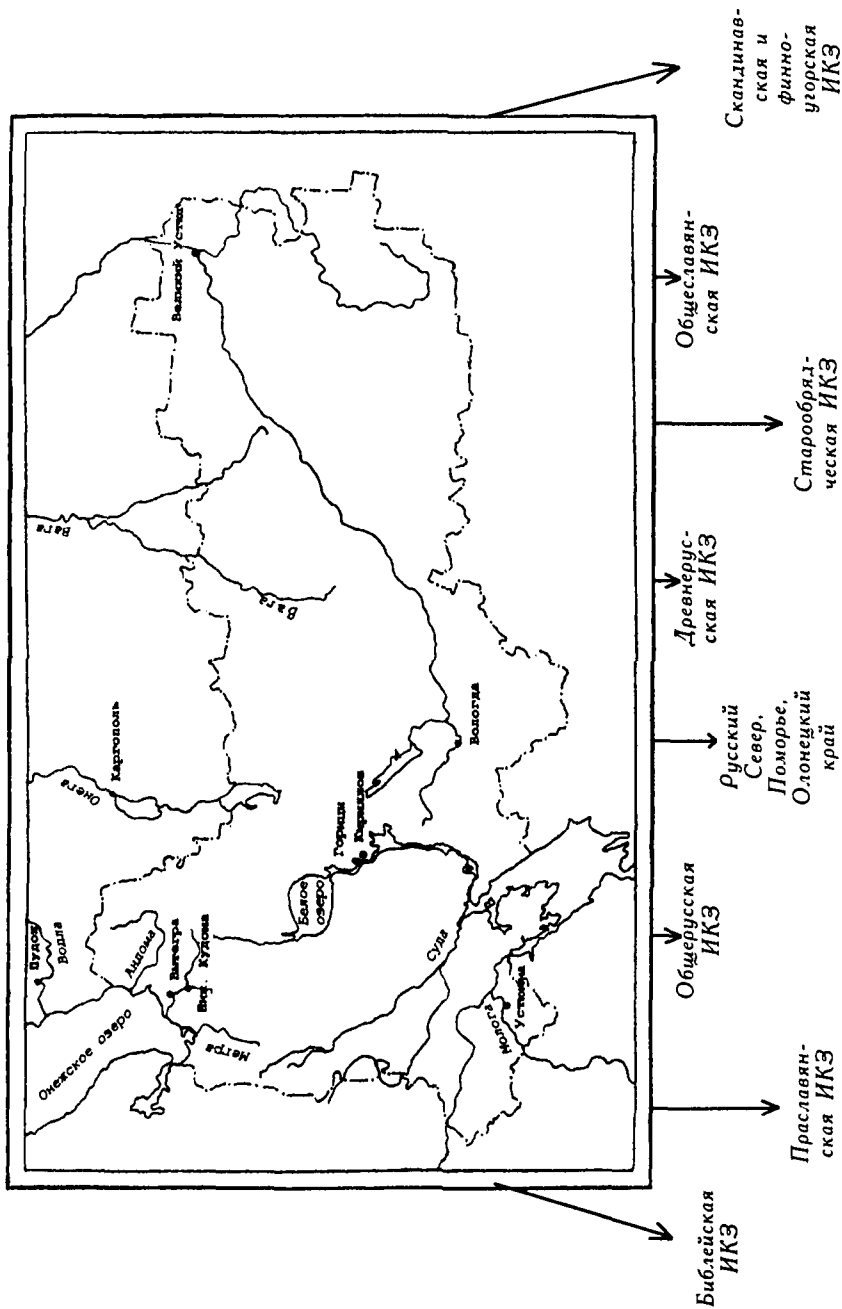
- (1) *И Сибирь, и земля Карела
 Чутко слушают вьюжный хор.
 (12, 306)*
- (2) *Здравствуй, Волюшка-мать,
 Божьей Земли благодать,
 Белая Меря, Сибирь,
 Ладоги хлябкая ширь!
 (12, 348)*
- (3) *Русский сад — мужики да бабы,
 От Норвеги до смуглой Лабы.
 (12, 320)*

Финно-угорские мотивы творчества Н. А. Клюева подробно исследовала Е. И. Маркова⁹.

С **библейской историко-культурной зоной** в поэзии Н. А. Клюева соотносятся 45 топонимов, которые употребляются 76 раз.

Этнографы, изучающие Русский Север, отмечают, что издавна сложилась культурная традиция обозначать «свое» пространство с помощью библейских и византийских топонимов и этнонимов¹⁰. Клюев пишет: «Где ты, светлая Отчизна — голубиный Назарет?» (12, 80). Е. Л. Березович указывает следующие библейские топонимы, которые послужили основой для создания севернорусских топонимов:

МЕСТО ВОЛОГОДСКИХ ТОПОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ Н. А. КЛЮЕВА

Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Палестина, Рай, Синая, Сион, Содом¹¹. Можно предположить, что эти топонимы возникли под влиянием монастырей, а также старообрядцев. В старообрядческих сочинениях именно на основе этих библейских топонимов формировались топонимы-мифологемы¹². Именно этой укорененной традицией объясняется частое употребление в произведениях Клюева топонимов Ветхого и Нового Завета в сочетании с русской топонимией.

Заслуживают особого внимания поэтические фразы, в которых употребляются вологодский топоним **Устюг** и ветхозаветный топоним **Харан** (**Харран**). «Поддонный Харан», близкий к образу града Китежа¹³, появляется в стихотворении «Красный Адам» (1919):

*За смертного бурей наш якорь зацепит
Коралловый город с алмазной стеной.
С урочным отплытьем на якорных лапах
Раскинет базары поддонный Харан...
Плывет от Олонца смоковничий запах,
Юстюжский закат осыпает шафран.*
(12, 201)

Харран у Клюева встречается 7 раз и преобразуется в поэтический символ апокалиптического Града Грядущего — Нового Иерусалима¹⁴:

<...>
*Сойдутся вятич в тюрбане,
Поморка в тунисской чадре,
В незакатном Новом Харране,
На гор лучезарной горе.*

*Переломит Каин дубину
Для жертвенного костра,
И затопит земную долину
Пылающая гора.*

(10, 409)

С Харраном у Клюева ассоциируются севернорусские топонимы и этнохоронимы (**Устюг**, **Олонец**, **поморка**, **вятич**, **Пустозерск**: «**Пустозерье** кличет **Хараном**»). В таких контекстах они приобретают особый сакральный смысл, обозначают метафизическое пространство будущей воскрешенной Руси.

В «Песни о Великой Матери» Харран и Устюг символизируют единство библейских святынь и севернорусской культуры, основанной на христианских ценностях. Вот как описывается красный угол в севернорусской крестьянской избе:

*Входящему — в углу заря
 Финифти, черни, янтаря,
 И очи глубже океана,
 Где млечный кит, шатры Харрана,
 И ангелы, как чаек стадо,
 Завороженное лампадой —
 Гнездом из нитей серебра,
 Сквозистей гагачья пера.
 Она устюжского сканья,
 Искусной грани и бранья.
 <...>*

(15, 713)

2. Этноцентричность поэтической географии Н. А. Клюева и вологодские топонимы

Как и для географических представлений древних культур¹⁵, для поэтической географии Клюева характерен принцип этноцентричности. Он заключается в том, что точкой отсчета, исходной позицией, с которой автор созерцает образы земного пространства, всегда является его малая родина — Русский Север:

*Сегодня звонкие капели —
 Прилет касаток из Египта
 На милый север. Явь или сон?
 <...>
 Россия, мать, ты ли? Ты ли?
 Босые ноги, плат по бровь,
 Хрустальным лебедем из былей
 Твоя слеза, ковыль — любовь
 Плывут по вольной заводине!*

(10, 448)

Этноцентричность географических образов в произведениях Клюева имеет свои особенности, обусловленные историософскими взглядами поэта, их связью со Священной историей христианства. У Клюева «свое» пространство сопоставляется с «чужим» пространством, а иногда и противопоставляется ему: 1) *Рай* (Родина, Святая Русь) — *Ад* (антихристианская чужая культура); 2) *Восток* (Православная Русь, наследница Византии; сказочная страна — «Белая Индия») — *Запад* (мир технической бездуховной цивилизации); 3) *славянство* — *мир завоевателей*; 4) *Святая Русь* — *нехристианский мир*; 5) *старообрядческие центры и края* — *остальная Россия*; 6) *русская провинция* — *столицы*.

В некоторых сопоставлениях в большей или меньшей степени участвуют вологодские топонимы, обозначающие «свое» пространство.

Рай (Родина, Святая Русь) — Ад (антихристианская чужая культура).

В клюевской поэзии Рай предстает в образах крестьянской России («*мужицкий хлебный Спасов рай*», «*пшеничный рай*», «*коврижный рай*», «*русский рай*»), в образах прекрасных произведений народного искусства («*рай финифтяный*», «*Киноварный рай*», «*Самоцветный мужицкий рай*», «*песноцветный рай*»). Раю противопоставлен ад как символ чужой антихристианской культуры:

- (1) *Нам адский молот ворожит,
Что гибнет бархат ал и рыт,
И в русский рай, где кот-баюн,
Стучатся с голодом колтун.*
(13, 25)
- (2) *Но книжный червь, чернильный ад
Не для певцов любви и веры.*
(11, 91)
- (3) *Строгановские иконы —
Самоцветный мужицкий рай;
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.*
(12, 202)

В «Песни о Великой Матери» в центре поэтического описания «избяного рая», его святости и красоты изображена лампадка «устюжского сканья». Сначала взгляд поэта падает на иконы в красном углу (см. цит. выше), а затем останавливается на лампаде:

<...>
*И ангелы, как чаек стадо,
Завороженное лампадой —
Гнездом из нитей серебра,
Сквозистой гагачья пера.
Она устюжского сканья,
Искусной грани и бранья,
Ушки — на лозах алконосты,
Цепочки — скреп и звеньев до ста,
А скал серебряник Геврасий
И сказкой келейку украсил.
Когда лампаду возжигали
На Утоли Моя Печали,
На Стратилата и на пост,
Казалось, измарagdный мост
Струился к благостному раю.
И серафимов павью стаю,*

Как с гор неожиданный снегопад,
К нам высылает Стратилат!

(15, 713)

Восток — Запад.

В поэзии Н. А. Клюева на географическое противопоставление Востока и Запада наслаиваются символические значения, обусловленные как христианскими, так и фольклорными традициями.

Согласно библейским представлениям, рай расположен на Востоке. В поэме «Погорельщина» поэт-пророк прозрел воскресшую Святую Русь именно на Востоке. Среди древнерусских городов названы **Устюг** (с него начинается перечисление) и **Вологда**:

И растворились на восток
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным **Устюгом Москва**,
Валдай — ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамы,
И **Вологда**, вся в кружевах,
С **Переяславлем** белокрылым.
За ними **Новгород** и **Псков** —
Зятья в кафтанах атласных,
Два лебедя на водах ясных —
С седого **Ладогой Ростов**.
Изба резная **Кострома**,
И Киев — тур золоторогий
На **цареградские** дороги
Глядит с **Перунова** холма.
<...>

(12, 329)

В послереволюционных стихах идеи всемирного братства поэт трактует как единение России с восточными странами на основе христианства:

Совершилось. Иже Херувимы
Повенчали **Вологду** с **Багдадом**.

(7, 127)

Фольклорные мотивы о прекрасных и далеких странах у Клюева прежде всего связаны с Индией¹⁶. Поэтическое геокультурное пространство Н. А. Клюева в целом обладает не европоцентрической, а индоцентрической структурой, что характерно для древнейших (раннегородских) цивилизаций¹⁷. Эта архаика позволяет Клюеву создать сказочные образы Руси:

На певучем огненном павлине
 К нам приедут сказки и загадки.
 Сядет Суздаль за лазорь и вапу,
 Разузорит **Вологда** коклюшки...

(12, 258)

Святой Руси и восточным странам противопоставлена западная цивилизация:

Вот почему Сезанн и Суслов
 С **индийской вязью теремов**
 Единорогом роют русло
 Средь брынских гатей и лесов.
 Навстречу **Вологда** и **Вятка**,
 Детинцы **Пскова**, **Костромы**...
Гогеи Рублеву не загадка,
Матисс — лишь прясло от каймы
 Моржовой **самоедской** прялки...

(12, 220)

Русская провинция — столицы.

Это противопоставление у Ключева неоднозначно. Чаще у него провинция — это «свое», святое, сокровенное, пространство. Ему враждебно «чужое» пространство столиц (Москвы и Петербурга)¹⁶:

Питер злой, железогрудый
 Иисусе посетил,
 Песен **китежских** причуды
 Погибающим открыл,

Петропавловских курантов
 Слушал сумеречный звон,
 И **Привал Комедиантов**
 За бесплодье проклял Он.

(7, 145)

Только в нескольких стихотворениях, написанных сразу после революции, вектор «свое — чужое» в противопоставлении провинции — столицы изменяется. Например, **Вытегра**, уездный городок Олонецкого края (ныне районный город Вологодской области), предстает в двух его стихотворениях («Красный орел» и «Глухомань северного бревенчатого городка...», 1919) как оплот отжившего старого мира, враждебного революции, на чьей стороне были симпатии поэта в те годы:

(1) Глухая **Вытегра** не слышит урагана,
 Сонливая, с сорочьим языком,
 Она от клеветы и глупых сплетен пьяна, —
 Ей не дружить с тобой — малиновым орлом.

(15, 415)

(2) Глухомань северного бревенчатого городишка,
 Где революция как именины у протопопа.
 Ряд обжорный и каланчи вышка
 Ждут антихриста, сивушного потопа.
 (15, 422)

Но и через этот обличительный революционный пыл пробивается любовное отношение к родному краю, его приметам. Первое стихотворение заканчивается так:

Как девушки, грустят олонецкие ивы
 По красному орлу в глухих, уездных днях.
 (15, 415)

Во втором стихотворении упоминается древний собор:

Собор же помнит Грозного, Бориса,
 На створах врат Илья громогласный...
 (15, 415)

В. П. Гарнин считает, что здесь «...имеется в виду Вытегорский погост, упоминаемый в письменных источниках XV в. Главным украшением его являлась двадцатичетырехглавая Покровская церковь — одно из чудес деревянного зодчества Северной Руси, построенная в 1708 г. и сгоревшая в 1963 г. Она находилась в селе Анхимово, в семи километрах от Вытегры. В 1914 г. Клюев отправил Ширияевцу открытку с видом этой церкви: “Всмотрись, милый, хорошенько в этот погост, он много дает моей душе, еще лучше он изнутри, а около половины марта на зорях — кажется сказкой. <...> Неизъяснимым очарованием веет от этой двадцатичетырехглавой церкви времен Ивана Грозного”¹⁹.

Однако можно предположить, что у Клюева речь идет о другом храме: собор, построенный в 1708 году, не может «помнить Грозного, Бориса». Эта характеристика больше соответствует Софийскому собору в Вологде, построенному по приказу Ивана Грозного. Хотя это стихотворение при первых публикациях имело заглавие «Вытегра»²⁰, в нем создан обобщенный образ «северного бревенчатого городишка».

В указанных выше стихотворениях Вытегра названа «глухой», «глухоманью». Но это оценка не автора, а лирического героя, воодушевленного революцией. В другом стихотворении (1916) слово «глухомань» вкладывается в уста чужого, приезжего человека:

Обозвал тишину глухоманью,
 Надругался над белым «молчи»,
 У креста простодушного данью
 Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
 И плевком незабудку обжег.
 Зарябило слезинками просо,

Сединою заиндевел мох.

<...>

(10, 289)

Таким образом, стихи о Вытегре нельзя назвать клюевскими по духу. Обычно «*Мать — глухомань*» (12, 188) вызывает у поэта живое поэтическое восхищение:

(1) *И на заре в глуши еловой,
Как ангелок, поет снегирь.*

(10, 212)

(2) *Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..*

(10, 220)

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что вологодская топонимия, отраженная в творчестве Н. А. Клюева, используется не как особая поэтическая система, а как часть более обширных топонимических систем, соотносимых с несколькими историко-культурными зонами и выполняющих функцию символического обозначения «своего» пространства — Русского Севера, славянских земель, Святой Руси. Включаясь в особую поэтическую систему, сочетающую в себе севернорусские и библейские топонимы, вологодские топонимы в творчестве Н. А. Клюева участвуют в создании образов *осевого пространства и времени*, которые поэт понимал с позиций этноцентричности²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я ц к е в и ч Л. Г., В и н о г р а д о в а С. Б., Г о л о в к и н а С. Х. Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный частотный словоуказатель // Клюевский сборник. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 37—46; Я ц к е в и ч Л. Г. Поэтическая система топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева // Там же. С. 46—69.

² «Черная тетрадь». Л. 128 об. Цит. по: М и х а й л о в А. И. К истокам поэтического феномена Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 1997. С. 275. А. И. Михайлов указывает, что выражение «граммофон из города» употребил Л. Троицкий в своем очерке о Клюеве (1922): «...Клюев новую стихотворную технику... вывез из города, как сосед вывез оттуда граммофон, но опять же поэтическую технику, как и географию Индии, Клюев привлекает только для того, чтобы украсить крестьянский сруб своей поэзии» (Т р о ц к и й Л. Литература и революция. М., 1991. С. 59—60).

³ Имеются в виду имена собственные — названия географических объектов, расположенных на современной территории Вологодской области.

⁴ Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999. С. 42.

⁵ Я ц к е в и ч Л. Г. Поэтическая система топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева... С. 46—69.

⁶ Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 314.

⁷ Сочинения писателей-старообрядцев. Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 7. Вып. 1 / Сост. Н. Ю. Бу б н о в. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 220.

⁸ Старообрядчество... С. 314.

⁹ М а р к о в а Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. С. 32—44, 192—210.

¹⁰ Т е р е б и х и н Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993; К а л у ц к о в В. Н., И в а н о в а А. А., Д а в ы д о в Ю. А., Ф а д е е в а Л. В., Р о д и о н о в а Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.

¹¹ Б е р е з о в и ч Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 273—282.

¹² Сочинения писателей-старообрядцев...

¹³ С м о л ь н и к о в С. Н. Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н. А. Клюева // Клюевский сборник. Вып. 1. Вологда, 1999. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Т е р е б и х и н Н. М. Сакральная география...; К а л у ц к о в В. Н., И в а н о в а А. А., Д а в ы д о в Ю. А., Ф а д е е в а Л. В., Р о д и о н о в а Е. А. Культурный ландшафт...

¹⁶ П а ш к о О. «Индия» в творчестве Н. А. Клюева (К определению границ мифопоэтического пространства) // Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових прац. Київ, 1998.

¹⁷ Основания регионалистики... С. 92.

¹⁸ Я ц к е в и ч Л. Г. Структура поэтического текста. Вологда, 1999. С. 38—48.

¹⁹ Г а р н и н В. П. Примечания // Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Издательство Российского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 912—913.

²⁰ Там же.

²¹ Понятие «осевое время» введено в научный оборот К. Ясперсом и трактуется им с европоцентрических позиций. См.: Я с п е р с К. Смысл и назначение истории. Издание второе. М.: Изд-во «Республика», 1994. Осевое время и пространство Н. А. Клюева имеет свое особое концептуальное содержание, о котором пойдет речь в другой статье.

ИСТОЧНИКИ

1. Клюев Н. Сосен перезвон. М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и К⁰», 1912.

2. Клюев Н. Братские песни. Кн. 2. М.: Изд-во «Новая земля», 1912.

3. Клюев Н. Лесные были. Кн. 3. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1913.

4. Клюев Н. Мирские думы. Пг.: Издание М. В. Аверьянова, 1916.

5. Клюев Н. Медный кит. Изд. Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1919.

6. Клюев Н. Песнослов. Кн. 1. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.

7. Ключев Н. Песнослов. Кн. 2. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.
8. Ключев Н. Львиный хлеб. М.: Изд-во «Наш путь», 1922.
9. Ключев Н. Четвертый Рим. Пг.: Изд-во «Эпоха», 1922.
10. Ключев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977.
11. Ключев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
12. Ключев Н. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1991.
13. Ключев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. № 11.
14. Ключев Н. Каин // Наш современник. 1993. № 1.
15. Ключев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.

